

© В.Э. ДЕН

УЧЕНИЕ РУДОЛЬФА ЧЕЛЛЕНА О ПРЕДМЕТЕ И ЗАДАЧАХ ГЕОПОЛИТИКИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция предлагает читателям статью В.Э. Дена (1867-1933) – одного из крупнейших русских и советских экономикогеографов. К этому нас побудило следующее.

Во-первых, это произведение крупного (и долгие годы почти забытого) ученого, автора многих капитальных работ, в частности, одного из первых вузовских учебников в СССР („Экономическая география”, 1924 г.).

Во-вторых, это статья об авторе термина „геополитика” – шведском ученом Рудольфе Челлене (1864 – 1922) – создателе первых крупных исследований по геополитике, вышедших в свет до трудов признанных „отцов геополитики” и абсолютно неизвестных российскому читателю (исключением была недавняя статья Г. Озелиуса и М. Чуканова „Отец геополитики о России как великой державе”. *Вопр. истории.* 1996. №1.

Многое новое, как известно, оказывается хорошо забытым старым, и читатель найдет здесь вполне современные и интересные мысли о задачах и структуре геополитики как науки.

Статья подготовлена к печати доцентом Санкт-Петербургского государственного технического университета В. Чепарухиным, и это вполне закономерно, так как В. Э. Ден долгие годы (с 1902 по 1931г.) заведовал кафедрой экономической географии в этом вузе, являющемся ведущим центром технического образования в СССР и в России, который тогда назывался Политехническим институтом.

Владелец рукописи неопубликованной тогда статьи В.Э. Дена – Г. Н. Ден – передал право опубликования рукописи центру истории науки и техники СПбГТУ. Мы печатаем статью в двух номерах журнала, сделав самые незначительные сокращения в тексте.

Введение. За последние годы все большее распространение и все большую популярность в Германии стала приобретать отрасль знания, носящая название „геополитика”. Упоминание о ней все чаще и чаще встречается в сочинениях по вопросам политическим и географическим, появляются и специальные посвященные ей работы,¹ с начала 1924г. в Германии стал выходить особый посвященный ей ежемесячный журнал.² Интерес к геополитике проник и в школьное преподавание: в программах по географии, устанавливаемых в отдельных германских землях для школ второй ступени, мы все чаще встречаем указание на то, например, что при преподавании в старших классах материалу должно быть даваемо и геополитическое освещение или что слушатели должны быть ознакомлены с основами геополитики.

При этом точки зрения на геополитику сильно расходятся. В то время как одни являются ее восторженными поклонниками – сюда относятся, главным образом, четыре редактора упомянутого выше журнала – другие относятся к ней недоверчиво или с пренебрежением или даже совершенно отрицают ее, указывая, например, что то, что сторонники новой науки называют геополитикой, есть не что иное, как политическая география.

При таких условиях у всех интересующихся вопросами географии и смежных с нею областей невольно возникает вопрос: с какого времени появилась эта новая наука и кто является ее родоначальником? Какие задачи она себе ставит и в чем заключается ее содержание? И где следует искать ее корни?

Если мы начнем с вопроса о том, кто впервые ввел термин „геополитика” и кто первый наметил ее предмет и содержание, то встретим единогласное указание на приобретшего в

1 См. вышедший недавно коллективный труд, озаглавленный „Bausteine zur Geopolitik” von Karl Haushofer, Erich Obst, Hermann Lautensach, Otto Maull, Berlin, 1928

2 „Zeitschrift für Geopolitik”. С 1927 г. этот журнал получил новое название „Zeitschrift für Geopolitik, verbunder mit der Zeitschrift Weltpolitik und Weltwirtschaft”, так как он с этого времени объединился с журналом „Weltpolitik und Weltwirtschaft”, который одновременно с этим закрылся.

последние десятилетия широкую известность шведского государствоведа Рудольфа Челлена (Rudolf Kjellén). И хотя современные представители геополитики в той стране, в которой эта наука получила свой расцвет, – т.е. в Германии – в своих взглядах на нее в некоторых отношениях отошли от Челлена, они всегда на него указывают как на своего родоначальника, относясь в то же время с большим уважением к его научному авторитету.¹ Впрочем, последний признается не только жрецами геополитики, но и такими учеными, которые от геополитики стоят сравнительно далеко и сами не участвуют в преклонении перед этой наукой.²

Поэтому, если мы пожелаем ознакомиться с геополитикой генетически, т.е. путем изучения ее возникновения и тех условий, при которых она появилась на свет, мы должны будем обратиться прежде всего к трудам Р. Челлена. Следуя этому, автор в настоящей статье попытался выяснить вопрос о том, как у Челлена возникла мысль об особой науке – геополитике, в чем он видел ее содержание и какое место геополитика занимает в общей предложенной Челленом системе науки о государстве.

Свое изложение мы начнем с краткого введения, посвященного рассмотрению важнейших данных о личности Р. Челлена и его научно-литературной деятельности. Такое введение представляется тем более необходимым, что, насколько нам известно, в нашей литературе имя Р. Челлена до настоящего времени совершенно неизвестно.³

Биография Р. Челлена и его научные труды. Рудольф Челлен родился в 1864г. на небольшом острове Торсе на оз. Венерн в Швеции в семье пастора. По окончании средней школы в начале 80-х гг. он поступил в Упсальский университет. Здесь он посещал лекции на философском факультете, причем главное внимание посвящал науке о государстве, которая в шведских университетах, несмотря на чисто юридическую постановку преподавания издавна находится именно на этом факультете.⁴ В 1883г. Р. Челлен получил степень кандидата, в 1888г. – степень лиценциата, а в мае 1890 г. – степень доктора. К этому периоду относятся и первые научные работы Челлена, которые уже тогда обратили на него внимание критиков.

Непосредственно после получения степени доктора Р. Челлен был приглашен Упсальским университетом на должность доцента науки о государстве, но уже в 1891г. он перешел в Гетеборгскую высшую школу для преподавания этого предмета. В Гетеборге Р. Челлен провел целых 25 лет своей жизни – до 1916г., когда он был приглашен в Упсалу на упомянутую выше старинную кафедру, считавшуюся наиболее почетной в Швеции по данному предмету. Здесь, в Упсале, Р. Челлен провел остаток своей жизни. Но ему оставалось прожить уже недолго: в послевоенные годы он стал хворать и 22 декабря 1922г. умер от болезни сердца в возрасте 58 лет.

Такова несложная внешняя история жизни Р. Челлена. К сказанному остается только добавить, что Р. Челлен принимал некоторое участие и в государственной жизни Швеции: с 1905 по 1908г. он состоял членом второй палаты шведского парламента; с 1911 по 1917 г. также состоял членом второй палаты, причем принадлежал к консервативной партии.

Научно-литературная деятельность Р. Челлена была обширна и разнообразна; основной особенностью, создавшей автору имя, является та эволюция, которой в течение этой

1. См., например, названный выше сборник „Bausteine zur Geopolitik“.

2. См., например, E. Oberhumer. Die politische Geographie von Ratzel und ihre jüngere Entwicklung (приложение к книге: Friedrik Ratzel. Politische Geographie. Dritte Auflage. München; Berlin, 1923. S. 618); Hettner. Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. Breslau, 1927. S. 145. См. также упоминаемые ниже статьи Зигера и Фогеля.

3. Из литературы, специально посвященной Р. Челлену, следует в особенности указать на следующие две статьи, появившиеся в связи с его смертью: Robert Sieger. Rudolf Kjellen „Zeitschrift für Geopolitik“. 1924. S. 339-346; Prof. Dr. Walther Vogel. Rudolf Kjellen und seine Bedeutung für die deutsche Staatslehre // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1926. Bd 81. H. 2. S. 193-241.

4. Начало этой традиции относится ещё к 1622 г., когда шведский ученый и государственный деятель Шютте учредил в Упсальском университете особую кафедру „красноречия и государственной науки“, существующую и по настоящее время. Впоследствии, с 1916 г. и до самой своей смерти в 1922, эту кафедру возглавлял Р. Челлен.

деятельности взгляды автора подвергались. Будучи по образованию и по своим первым литературным трудам юристом-государственником, Р. Челлен со временем все более и более стал удаляться от юридического подхода и в конце концов совершенно с ним порвал и выработал новую схему, согласно которой при изучении государства на первом месте вместо государственного права должна быть под названием „политики” или „науки о государстве” поставлена новая наука, изучающая государство во всех его проявлениях и прежде всего как организацию власти, проявляющуюся как внутри страны, так и вне ее. Государственное право в эту науку не входит и остается лишь в качестве одной из составных частей науки о праве.

Еще в первое десятилетие своей гетеборгской жизни Р. Челлен придерживался чисто юридической точки зрения.¹ Этот же характер продолжают носить и некоторые из его более поздних работ, вышедших уже в первое десятилетие XX в. Со временем, однако, его интересы все более стали направляться в другую сторону - в сторону исторического, географического и вообще не юридического изучения государственной жизни.

Некоторое влияние в этом отношении имело то обстоятельство, что в 1892г. Гетеборгской высшей школой на Р. Челлена было возложено преподавание географии. Вышедшая затем в 1897г. „Политическая география” Ратцеля, по-видимому, произвела на Р. Челлена глубокое впечатление, и все это послужило толчком, побудившим его углубить свое знакомство с географией и сильнее выдвинуть при изучении государства новые точки зрения. Этому содействовали и некоторые другие обстоятельства. Гетеборг, как важнейший морской порт Швеции, поддерживающий к тому же и заокеанские отношения, сильнее давал чувствовать „биение пульса” мировой политики, чем Упсала с его тихой созерцательной жизнью. С другой стороны, события, относящиеся к рубежу между XIX и XX вв., – испано-американская война 1898 г. и англо-бурская 1899-1901 гг. невольно привлекали наблюдателя политической жизни к вопросам внешней политики. Под влиянием этих обстоятельств работы Челлена все более стали переходить на новые рельсы, причем они стали развиваться в нескольких направлениях: с одной стороны, Челлен, начиная с 1898г., когда появилась его статья о южно-африканском вопросе, стал внимательно следить за вопросами международной политики, посвящая им многочисленные статьи в разных периодических изданиях; с другой стороны, он стал работать над созданием новой системы науки о государстве – такой, которая не замыкалась бы в тесные юридические рамки, всесторонне охватывала бы организацию и деятельность государства во всех ее проявлениях; наконец, он дал ряд очерков, заключающих в себе конкретную характеристику главнейших государств – великих держав – как они существуют в действительной жизни. Нас здесь занимают только два последних направления деятельности Челлена. В относящихся сюда работах он не только пытается конструировать науку о государстве в ее новом понимании (т.е. установить ее содержание и отграничить ее от других наук), но и на конкретных примерах доказать, как государство при этом понимании должно быть изучаемо.

Первым шагом Р. Челлена на указанном пути явилась газетная статья, напечатанная им еще в начале 1901 г. под названием „Политика как наука”.² Эта статья выдвигает в качестве основной мысли положение, что в науке о государстве нельзя ограничиваться изучением конституции, но надо знакомиться с конкретными особенностями организации и деятельности государства.

– За этим первым, еще робким, шагом в 1905 г. последовала в качестве попытки практического приложения зарождавшейся у Челлена схемы его работа „Великие державы...”³ Эта работа, заключающая в себе яркую характеристику отдельных великих

1. Из работ этой категории особенно следует назвать работы о шведско-норвежской унии (две части – 1893 г.) и шведской конституции 1809 г.

2. Эта статья, появившаяся первоначально в газете „Göteborgs Aftonbladet” от 22 и 26 марта 1901г., была затем перепечатана на немецком языке в виде приложения к книге Р. Челлена „Der Staat als Lebensform” (см. 4-е нем. изд.). Berlin, 1924. S. 271-276.

3. Rudolf Kjellén. Stormakterna. Konturen kring samtiken stovpolitik. („Великие державы. Очерки из области современной высокой политики”. Т. 1, 2). Stockholm, 1905.

держав с точки зрения их внутреннего состава и международного положения, более, быть может, всех других работ содействовала известности Р. Челлена и за пределами Швеции. Предисловие к ней, по словам самого автора, включает в себе *in null* все то новое, что он хотел внести в учение о государстве.

Дальнейшее развитие построения Р. Челлена получили в ряде последующих работ. В этом отношении прежде всего следует назвать 2-е издание только что названной книги „Великие державы...”. Это сильно переработанное и расширенное издание вышло в 4 томах в 1911-1913гг., (на шведском языке, как и все предыдущие работы). В 1914г. оно было издано автором в сокращенном виде в одном томе под заглавием „Современные великие державы”,¹ причем немецкий перевод этого издания выдержал в Германии за время с 1914 по 1918г. целых 19 изданий.² Такой успех объясняется не только новизной подхода автора к интересам его построений, но и тем обстоятельством, что во время войны симпатии автора были всецело на стороне Германии, как он этого и сам не скрывал и как это весьма ярко отразилось на его оценках.³ Р. Челлен во время войны открыто высказывал свое сочувствие тому, чтобы победа оказалась на стороне Германии, чтобы на Дарданеллах утвердилось германское влияние и чтобы оно, согласно планам германских империалистов, распространилось в Азии до Персидского залива (программа Эльба-Евфрат) и в Африке до экватора (программа Эльба-экватор). Для этого он считал желательным, чтобы Египет (включая Суэцкий канал) и Судан были возвращены зависимой от Германии Турции и чтобы, сверх того, владения Германии в Африке получили значительное приращение за счет владений других колониальных держав.⁴ Эти воззрения, любопытные с точки зрения симпатий автора к Германии, в то же время весьма ярко показывают, что в лице Р. Челлена мы имеем дело с империалистом.

Книга Челлена „Современные великие державы” подверглась после войны новой переработке и в таком виде вышла под заглавием „Великие державы и мировой кризис”.⁵ Но еще ранее того, во время войны, Р. Челлен издал работу, вызванную возникшими в связи с войною вопросами; эта работа, озаглавленная „Политические проблемы мировой войны”, вышла затем и на немецком языке, выдержав 8 изданий.⁶ Она явилась воспроизведением публичных лекций, прочитанных автором в Гетеборгском университете; будучи теснейшим образом связанной с предыдущими работами автора о великих державах, она строилась на том анализе, который в них был дан в отношении многочисленных пунктов трения, имевшихся между отдельными великими державами в разных частях земного шара и в своем обострении приведших к мировой катастрофе.

Перечисленные работы, посвященные характеристике великих держав и проблемам мировой войны, заключали в себе практическое приложение все более созревающего общего учения Р. Челлена о политике или науке о государстве. Но наряду с этим Р. Челлен продолжал

1. Samtidens Stormakterna (Politika Handböcker, Tom 1). Stockholm, 1914.

2. Die Grossmächte der Gegenwart. Leipzig, 1914.

3. Во введении к упоминаемой ниже книге „Политические проблемы мировой войны” (нем. изд., с. 6) Р. Челлен говорит по этому вопросу следующее: «Я, со своей стороны, решаюсь высказать в начале этих лекций следующее признание: „amica Germania, sed magis amica veritas”. Я не отрицаю, что мои политические симпатии лежат на стороне одной из воюющих сторон. Я не стремлюсь к тому, чтобы мне был присужден приз беспартийности, для получения которого я должен был бы „хромать” в обе стороны между противоположными точками зрения и искать средней пропорциональной между ними. Но я свято обещаю честно стремиться к истине без недопустимых отклонений от нее». А в предисловии к своей работе „Studien zu Weltkrise” (1917 г.) Р. Челлен говорит: «Я беру под свою защиту истину, с одной стороны, и мою шведскую родину – с другой. Обе они приближают меня к одной из борющихся сторон в мировом кризисе. Как искатель истины, я убедился, что не Германия хотела войны, что Германия требовала не более как равноправия с другою стороною при решении будущей участи мира, и что ее народ морально ни в чем не стоит ниже (а в некоторых совершенно определенных отношениях стоит выше своих противников). А в качестве шведа я должен желать сильной Германии, как оплота против могущества востока, от которого исходит угроза культуре и государственной целостности моей страны». (Последняя цитата заимствована мною у Фогеля).

4. Die politischer Probleme des Weltkriegel. Leipzig und Berlin, 1918.

5. „Die Grossmächte und die Weltkrise” (1-е нем. изд. вышло в 1920 г., 2-е – в 1921 г.).

6. Völdskrigch politiska problem”, 1915. (В нем. переводе: „Die politischen Problem des Weltkrise”. Leipzig und Berlin, 1916).

работать и над дальнейшим развитием и уточнением теоретической формулировки этого учения. Этим вопросам была посвящена книга, выпущенная Р. Челленом в 1916г. под заглавием „Государство как форма жизни...”.¹ Этой книге сам автор отводил центральное место среди всего, что им было создано на его жизненном пути.

Наиболее законченную систематическую форму учение Р. Челлена о государстве получило, однако, не в этой книге, но в последней более крупной его работе, озаглавленной „Основы системы политики”, работе, которая может считаться как бы систематическим увенчанием всего построенного им научного здания.² Здесь учение Р. Челлена представлено в виде стройной, хотя и довольно сложной системы, основные черты которой будут представлены в дальнейшем изложении.

Предыдущий очерк литературной деятельности Р. Челлена далеко не стремился дать исчерпывающий перечень его научных трудов, но ставил себе целью отметить лишь наиболее важные его работы. У Р. Челлена, кроме последних, имеются и многочисленные другие труды, более полный перечень которых (хотя все же не исчерпывающий) можно найти в названных выше статьях Фогеля и Зигера.³

Взгляды Р. Челлена на науку о государстве, на ее предмет и разделение. Настоящая статья не ставит задачей рассмотрение учения Р. Челлена во всей его совокупности, а задается более скромной целью – представить взгляды Р. Челлена в отношении, главным образом, лишь одного из отделов намечаемой им обширной науки о государстве – геополитики, а отчасти и другого ее отдела – экополитики. Однако выяснение и оценка его взглядов по этим двум наукам, установление предмета и задач геополитики и экополитики, как они понимаются Р. Челленом, невозможно без некоторого, хотя бы и поверхностного, предварительного ознакомления со всей его схемой. Поэтому с такого ознакомления я и начну дальнейшее изложение.

Ход рассуждений Р. Челлена и созданная им схема заключаются в следующем.

Государство, как эмпирический факт, есть не только правовая организация, оно есть живой организм, с весьма сложной структурой и разносторонней деятельностью. Эту деятельность государство осуществляет как внутри себя, в своих собственных пределах, так и вовне – в отношении окружающей его среды: здесь оно приходит в постоянное соприкосновение с другими государствами, причем как единичному индивидууму ему приходится вести борьбу за существование, которая поглощает значительную часть его сил и влечет за собой постоянные более или менее сильные трения с его окружением. Вместе с тем государство не есть нечто законченное и неподвижное, оно есть нечто живое, меняющееся, которое постоянно работает над дальнейшим развитием своей организации⁴

Таким образом, склоняясь, как и Ратцель, к органической точке зрения, Р.Челлен признает государство за особое органическое целое, находящееся в процессе постоянного

1. „Staten sum lifstorm”, 1916 (Politiska handböcker. Tom 3). В нем. переводе: „Der Staat als Lebensform”. 4-е изд. этого перевода вышло в 1924 г. (Berlin). Эта книга также явилась дальнейшим развитием популярного курса, прочитанного Челленом уже в 1908 г. при Гетеборгском университете под заглавием: „Государство как форма жизни. Очерки эмпирического учения о государстве”.

2. На шведском языке эта работа вышла в виде ряда статей в журнале „Statsvetenskaplig Tidskrift”, а на немецком языке она в расширенном виде вышла в форме книги, озаглавленной „Grundriss zu einem System der Politik”. Leipzig, 1920.

3. В дополнение к сказанному в тексте я укажу здесь лишь некоторые работы Р. Челлена, посвященные Швеции. Еще в 1899 г. Р. Челлен выпустил работу, посвященную политическим границам Швеции („Stridier Over Sveriges politics gränser”~ в журнале „Ymer” за 1899 г. За нею последовала книга, озаглавленная „Введение в географию Швеции” („Inledning till Sveriges geografi”. 1900). Далее в 1905 г. в связи с разрывом унии между Швецией и Норвегией им была опубликована на немецком языке статья, озаглавленная „Географические рассуждения о Швеции” („Geographische Betrachtung über Schweden”) в журнале „Geographische Zeitschrift” за 1900 г. Наконец, следует еще назвать вышедшую в 1917 г. книгу под заглавием „Швеция”, в которой Р. Челлен в строго систематической форме дает картину этой страны согласно установленному им пониманию науки о государстве („Sverige”. 1917. (Politiska handböcker. Tom 4)). Эта книга вышла и в немецком переводе под заглавием „Schweden, eine politische Monographie”. München. 1917. („Nachbarvölker Deutschlands”. Meinecke. Bd 1).

4. Rudolf Kjellen. Der Staat als Lebensform (4-е изд.). Berlin, 1924. S. 207-208.

изменения. Поэтому необходима особая наука, которая ставила бы себе целью изучение государства, как живого существа, в его организации и деятельности. Этой наукой должна стать „наука о государстве” (Staats - wissenschaft) или „политика” (Politik).

В своей книге „Основные начала системы политики”, вышедшей незадолго до его смерти, Р. Челлен дает подробную схему, по которой это изучение должно производиться.

Согласно этой схеме при изучении государства, его жизни и деятельности следует различать пять различных его сторон: территорию, хозяйство, народ, общество и власть. В соответствии с этим наука о государстве должна быть разделена на пять подразделений или наук: геополитику, экополитику, демополитику, социополитику и кратополитику. Р.Челлен подчеркивает, однако, что между названными пятью сторонами жизни и деятельности государства существует самая тесная, неразрывная связь и что лишь для целей изучения они могут быть друг от друга отделены, поэтому и граница между трактующими их науками носит условный характер и может быть произведена лишь приблизительно.

Таково основное подразделение науки о государстве, и этим предопределяется и ее содержание. Но затем каждая из пяти перечисленных наук в свою очередь распадается на дальнейшие подразделения или главы в числе двух или трех. Это подразделение совершается по следующей трехчленной схеме: первая глава изучает положение государства по данному вопросу (например, в отношении территории) по отношению к внешнему миру, вторая глава изучает данную сторону жизни государства с точки зрения формы, а третья – с точки зрения содержания. В результате этой довольно сложной классификации у Р. Челлена получается следующая схема, при характеристике которой я по возможности буду пользоваться собственными словами Челлена.¹

I. Геополитика (*Geopolitik* – от слова *geo* – земля) есть учение о государстве как территории. В ее состав входят следующие части главы.

1. Топополитика (*Topopolitik* – от слова *topos* – место) изучает внешнее положение государственной территории, которое интересует ее, однако, не с точки зрения широты и долготы; в этом отношении для нее важно лишь установить, лежит ли данное государство в пределах ойкумены или за ее пределами. Топополитика интересуется политическим окружением данного государства, его соседями. центральным вопросом для нее является вопрос об оказываемом со стороны последних давлении. Для определения этого давления Зупаном, как известно, предложено особое математическое выражение, которое он называет коэффициентом давления и которое он получает путем деления суммы населения всех прилегающих государств на население данного государства. Этот способ очень прост, но, по мнению Челлена, он может считаться лишь некоторым грубым приближением. Оказываемое соседями давление усиливается или облегчается политическими союзами и иными подобными соглашениями, которые поэтому также должны приниматься во внимание и также должны изучаться топополитикой. Поэтому последняя в известном смысле может быть признана „ключом ко всей политике”.

2. Морфополитика (*Morphopolitik* – от слова *morphos* – форма) есть учение о форме государственной территории, ее, по мнению Р. Челлена, можно было бы назвать и картополитикой. Главное ее внимание должно быть обращено на изучение внешних очертаний этой территории, т.е. на изучение государственных границ, но, кроме того, предметом ее изучения должна быть и сама фигура или форма окруженной данными границами территории с ее различными свойствами „специально могущего быть осуществленным из центра территории естественного господства”. Сюда же относится вопрос о самой величине государственной территории, эта величина также определяется государственными границами. А так как пути сообщения сокращают расстояния и тем самым усиливают внутреннюю спаянность территории, то и столь важная отрасль, как политика

1. Все вводимые Р. Челленом термины, служащие наименованием намечаемых им наук и их подразделений, имеют греческие корни, за единственным исключением термина „социополитика”, происходящего от латинского корня. Русский перевод греческих слов, от которых вводимые Р. Челленом термины происходят, мною каждый раз приводится.

путей сообщений транспорта с ее многочисленными проблемами, в главных своих частях также должна войти в морфополитику. Таким образом, предметом последней – заключает свое изложение Р. Челлен – является „пространство как таковое, без внимания к его материальному содержанию”.

Это содержание составляет предмет изучения третьей части геополитики, а именно физиполитики.

3. Физиполитика (*Phisipolitik* – от слова *phisis* – природа), которая является учением о государственной территории с точки зрения ее содержания или, как говорит Р. Челлен, учением о „доминиуме”. Предметом физиполитики является физическое заполнение расположенной в пределах государственных границ территории. Здесь приобретают важное значение и широта, и долгота; здесь же изучаются рельеф и естественные богатства.

II. Экополитика (*Ockopolitik* – от слова *ockos* – дом) имеет своим предметом изучение хозяйственной жизни данного государства (*der Reichslandhalt*).¹ В ее состав входят следующие части.

1. Эмпорополитика (*Emporopolitik* – от слова *emporoi* – крупные торговцы) изучает внешнюю сферу хозяйства данного государства или положение государства в мировом хозяйственном обороте аналогично тому, как топополитика изучает положение данной государственной территории среди окружающих ее других государств.

Основным предметом изучения эмпорополитики является выяснение вопроса о том, „какие у данного государства имеются данные для хозяйственного развития и с какими другими государствами у него имеются наиболее тесные отношения”.

Впрочем, факторы, определяющие международное положение данного государства, носят, вследствие своей зависимости от конъюнктуры, более подвижный характер, чем положение его территории. Менять рынки снабжения или сбыта легче, чем менять политических соседей. Однако и хозяйственным отношениям, как они исторически сложились, присуще некоторое постоянство, выражающееся, например, в хозяйственной зависимости одного государства от другого, зависимости, которая может стать решающим фактором всей политики.

2. Автаркополитика (*Avtarkiepolitik* – от слова *avtarkie* – самодовление), которая изучает хозяйственное состояние государства с точки зрения, характеризующей его степени самодовления, от которой зависит способность государства существовать с помощью имеющихся на его территории собственных источников. Другими словами, задачей автаркополитики является установление степени хозяйственной независимости данного государства, каковая степень определяется прежде всего внутренним производством.

3. Экономическая политика (*Oekonomiepolitik* – от слова *oekonomia* хозяйство) изучает хозяйственную жизнь.² В противоположность эмпорополитике и автаркополитике, имеющим своими задачами выяснение внешнего положения и степени внутреннего развития хозяйства данного государства, экономическая политика ставит вопрос о том, „каково отношение народа к государственной власти к внешнему и внутреннему хозяйству государства, в какой степени они сознают слабые стороны этого хозяйства, обращают свои взоры на имеющиеся для их устранения возможности и обладают решимостью эти возможности использовать”. Экономическая политика – заявляет Челлен – очень богата актуальными проблемами; к числу последних он относит проблему свободы торговли и протекционизма и проблему современной колонизации, покоящуюся на стремлении к отысканию новых источников сырья и рынков сбыта.

III. Демополитика (*Demopolitik* – от слова *demos* – народ) изучает население государства

1. Следует признать применяемый здесь Р. Челленом термин „Reichshaushalt” весьма неудачным: этот термин в такой степени вошел в обиход финансовой науки, обозначая государственное финансовое хозяйство, что применение его для обозначения народного хозяйства едва ли может быть оправдано.

2. Само собой разумеется, что Р. Челлен применяет термин „экономическая политика” в совершенно ином смысле, чем это принято в экономической науке. У Р. Челлена „экономическая политика” является частью чистой науки о государстве, тогда как в экономической науке под нею разумеют известную практическую деятельность и изучающую эту деятельность прикладную дисциплину.

или, по выражению Р. Челлена, „государственный народ”. В состав ее входят следующие части.

1. Этнополитика (*Ethnopolitik* – от слова *ethnos* – племя) изучает положение населяющего данное государство народа с точки зрения его племенного состава, т.е. положение его среди других племен той же расы и среди других рас. Если население государства состоит из разных племен, такое изучение должно быть сделано в отношении каждого из них, причем ему должен предшествовать общий обзор племенного состава населения государства.

2. Плетополитика (*Plethopolitik* – от слова *plethos*, означающего число, массу, количество) изучает, по словам Р. Челлена, „тело народа”. Предметом ее изучения является прежде всего численность населения (причем плетополитика приводит ее в связи с территорией и хозяйством государства, устанавливая степень населенности последнего и степень удовлетворения потребностей населения, далее физические свойства населения и его движение).

3. Психополитика (*Psychopolitik* – от слова *psyche* – душа) изучает народную душу, психологический облик народа или его национальный характер. Р. Челлен называет психополитику также „психологией, поставленной на государственную точку зрения и рассматриваемой с этой государственной точки зрения”. Предметом психополитики является также и деятельность государства в области морального и интеллектуального воспитания народа.

IV. Социополитика (*Sociopolitik*) изучает государство как общество. Она должна быть строго отличима от социальной политики, под которой разумеется известная практическая деятельность, с одной стороны, и изучающая эту практическую деятельность прикладная дисциплина – с другой.

В социополитике отсутствует глава, которая соответствовала бы первой главе рассмотренных трех наук и имела бы своим предметом изучение места, какое общественная организация данного государства занимает среди лежащих вне этого государства других общественных организаций. Р. Челлен такой главы здесь не вводит по причине отсутствия науки, которая могла бы дать необходимый для этого материал.

1. Филополитика (*Fylopolitik* – от слова *file*, означающего „общественную ячейку”) изучает общественную форму. Центр тяжести лежит здесь в изучении коммунальной организации, а затем в изучении классовых организаций (как, например, организаций рабочих).

2. Биополитика (*Biopolitik* – от слова *bios* – жизнь) изучает „жизнь общества: дух, душу, систему”.

Взаимное отношение двух названных глав социополитики такое же, как отношение соответствующих глав экополитики.

V. Кратополитика (*Kratopolitik* – от слова *kratos* – властитель) изучает организованную государственную власть. И здесь выпадает первая, вводная глава, предметом которой должно было бы быть то, что Р. Челлен называет типом государства (*der Staatstypus*), т.е. отношение государственного строя одного государства к государственному строю других государств. Для этой главы, как и в социополитике, потребовалось бы значительное углубление в материал; кроме того, сходство государственного строя лишь в слабой степени влияет на взаимные отношения между государствами, поэтому не имеет большого значения.

2. Номополитика (*Nomopolitik* – от слова *nomos* – норма, правило) изучает форму или организацию государственной власти, объединяя в этом отношении как государственный строй, так и государственное управление.

Номополитика в науке о государстве соответствует государственному праву в науке о праве: „она является наукою о формах государственной власти и охватывает правовые постановления и прочно существующие установления высшего и низшего порядка в отношении самого правительства и его органов”.

3. Праксиполитика (*Praxipolitik* – от слова *praxis*, которым обозначалось

государственное управление) изучает „государственную жизнь”, т.е. деятельность государства, поскольку она не является предметом изучения в других рассмотренных выше науках. Сюда относятся „все факторы, в которых специально проявляется власть: управление юридическое, военное, полицейское и внешнеполитическое, со всеми сторонами их, которые не воплотились в формальную организацию, а следовательно, и общие задачи государственных органов. Сюда, далее, относятся и практика работы законодательных учреждений, и внутренняя жизнь партий (их программы и т.д.)... Наконец, сюда равным образом относится и крупный вопрос об образовании правительства, т.е. важнейшая из всех функций в пределах осуществления власти”.

4. Наконец, Р. Челлен включает в кратополитику еще одну главу, которую он называет архополитикой (*Archopolitik* – от слова *arche* – власть). Эта глава имеет своим предметом изучение границ государственной власти и предоставленной индивидууму за пределами этих границ свободы. Сюда относятся такие вопросы, как, с одной стороны, свобода совести, свобода печати, свобода собраний и другие предоставленные гражданам права, а с другой стороны, лежащие на гражданах обязанности, как-то обязанность платить налоги, воинская повинность, обязательное школьное обучение и т.д.

„Приступая к своей работе, – говорит Челлен в заключении к своей системе, – я находился под впечатлением, что политика, или наука о государстве, представляет собой пустое место. А так как человеческая любознательность в такой же степени боится пустоты, как и природа, то, естественно, в это пустое место проник целый ряд других наук: философское учение о государстве, политическая история, политическая география, политическая экономия, социология, государственное право. Чтобы выйти из этого положения, было необходимо объединить науку о государстве в одно целое: для этого нужно было дать ей особый самостоятельный объект, далее обратно отвоевать потерянные ею области и, наконец, органически объединить эти области в особую систему”. „Для разрешения первой задачи, – продолжает Челлен, – политика должна была сделать центральным местом своего изучения исторически сложившееся государство как организацию власти. Вторая задача повела к отграничению политики от ряда других наук. Затем уже на отвоеванной и закрепленной таким образом территории была произведена та организационная работа, которая завершилась созданием законченной системы с относящимися к ней методами и категориями”.

Так характеризует Р. Челлен свою систему и ход ее возникновения. При этом он подчеркивает, что его система „независима от какого бы то ни было предвзятого взгляда на сущность государства”. „Совершенно безразлично, – говорит он, – видеть ли в государстве как таковом просто особую форму жизни или материальный фетиш счастья, или юридический или этический семинар. Вообще здесь нет места каким бы то ни было субъективным взглядам”.

„Пусть другие продолжают строить, пусть они улучшают термины, уточняют и прочищают границы, а быть может, набрасывают даже совершенно новые строительные планы. При всем том следует признать, что теперь уже заложен фундамент и воздвигнуто здание там, где доселе имелись разве только развалины и единичные строительные камни; поэтому у политики, как научного описания государства, теперь уже имеется свое собственное жилище, и как оно ни шатко, она уже может в него въехать”.¹

Критическая оценка этих взглядов. Я обращаюсь теперь к практическому рассмотрению учения Р. Челлена, причем хотя я намереваюсь рассматривать это учение лишь под углом зрения предмета моего специального интереса, т.е. геополитики, а отчасти и экополитики, я тем не менее считаю необходимым сделать несколько предварительных замечаний общего характера.

Отличительной особенностью учения Р. Челлена является его реализм, низведший изучение государства с абстрактных высот формального юридического анализа к конкретной действительности, какой она и является: с ее ежедневными заботами о сохранении и

1. Grundriss zu einem System der Politik. S. 104-105.

расширении власти и с ее непрекращающейся борьбой.

Этот реализм в трактовке государства приближает Р. Челлена к Ленину, хотя во всех других отношениях Челлен резко от Ленина отличается. В противоположность Ленину, Р. Челлену, при всем его реализме, совершенно чуждо представление о какой-либо классовой борьбе и о классовом характере современного государства: эта сторона последнего для него совершенно не существует, как он вообще мало интересуется вопросами социального порядка и вносит их в свою систему лишь ради полноты последней. Вместе с тем, как уже сказано выше, он является реалистом: он любит современное государство и, я бы даже сказал, любит его, особенно в том виде, как оно проявляется в великих державах. Он близко к сердцу принимает борьбу между последними и с полной определенностью становится на сторону одной из борющихся сторон, горячо желая ей успеха в начале войны, оплакивая ее поражение в конце, по наступлении катастрофы.

Реализм Р. Челлена дал ему возможность поставить такие проблемы, которые до него в западноевропейской науке о государстве находились в значительном пренебрежении и оставались в тени. Этот реализм создал в Р. Челлене стремление поставить абстрактное, формально юридическое изучение государства на второе место, выдвинув на первый план как главный предмет изучения исторически создавшееся государство, как реально существующий факт и как реально функционирующую организацию власти. Вместе с тем Р. Челлен оказался незаурядным систематиком, и в результате им была создана система, стремящаяся возможно полно охватить все вопросы, которые должны, по его мнению, стать предметом изучения науки о государстве или политики.

Р. Челлен не ограничился установлением предмета этой новой науки и созданием ее системы, т.е. разделением ее на части, но и сам же дал своей схеме частичное воплощение, применив свой подход к изучению государства на ряде конкретных примеров. (Эти работы, посвященные великим державам и проблемам мировой войны, заключают в себе весьма много интересного). Остается добавить, что, обладая большими знаниями в области политики (но не экономики) и острым наблюдательным умом, Р. Челлен в то же время был мастером слова: его работы отличаются сжатостью и художественностью изложения и часто блещут меткими сопоставлениями и выпуклостью даваемых образов.

Однако, ставя себе новые и интересные задачи, система Р. Челлена совершенно независимо от того содержания, какое может быть в нее вложено, страдает некоторыми существенными недостатками.

Прежде всего эта система благодаря сложности своих подразделений носит на себе печать некоторой искусственности. Если между пятью науками, намеченными Р. Челленом в качестве составных частей общей науки о государстве, и можно провести достаточно точные границы, то дальнейшее разделение этих наук, на главы чрезмерно схематично и поэтому нежизненно: оно к тому же несколько насильственно разрывает тесно связанные между собой явления и стремится втиснуть их в заранее конструированные подразделения, границы между которыми носят характер надуманный и не всегда соответствующий существу дела, почему это разделение далеко не всегда может быть признано удачным.

Создавая свою трехчленную схему разделения отдельных входящих в состав науки о государстве наук Р. Челлен, очевидно, исходил из геополитики. Между тем эта схема, в которую отдельные главы геополитики укладываются очень хорошо, для остальных четырех выдвигаемых Р. Челленом наук не всегда может считаться пригодной. Это следует сказать, например, об экополитике. Согласно трехчленной схеме, вторая глава экополитики должна была бы иметь своим предметом морфологию хозяйства. Она должна была бы быть посвящена изучению характеризующего данное государство хозяйственного уклада и встречающихся в отдельных отраслях его хозяйства форм. Сюда, следовательно, должны были бы входить такие вопросы, как, например, организационное различие в организации хозяйственной жизни СССР, с одной стороны, и капиталистических стран – с другой. Сюда же относилось бы изучение различий в хозяйственной жизни СССР – отдельных районов того или другого государства или отдельных „секторов” его хозяйственной жизни (например,

по классификации Ленина: хозяйство патриархальное, мелкотоварное, частнокапиталистическое, государственно-капиталистическое, социалистическое).

И в отношении демополитики трехчленная схема оказывается малопригодной и проведена Р. Челленом не очень удачно. Так, в отношении первой главы этой науки – этнополитики – остается неясным, почему она имеет в виду положение населяющего данное государство „народа” среди „народов” других государств только в отношении племенного состава, а не в отношении также и других характеризующих облик данного народа признаков, как, например, степень его культурности, измеряемой, например, распространением грамотности, развитием почтово-телеграфных и телефонных отношений и т.п. Остается к тому же совершенно непонятным, почему изучение физического состава населения (т.е., очевидно, его состава по полу и возрасту, распространения физических недостатков и т.д.) в плетополитику входит, тогда как изучение распределения населения между городом и деревней, равно как и изучение состава населения по профессии, по социальному положению и т.д., в нее не включается.

Приведенные соображения показывают, что разделение демополитики на отдельные главы осуществляется не в одной и той же плоскости, а перескакивает из одной плоскости в другую.

Нельзя также не признать, что доводы, в силу которых Р. Челлен исключает из социополитики и кратополитики „первую” главу, представляются, по крайней мере в части своей, неубедительными. Слабое развитие той науки, которая должна была бы этим главам дать материал, едва ли может быть признано достаточным основанием для исключения этих глав из данной науки. К тому же, если бы Р. Челлен последовательно проверил эту точку зрения, то он должен был бы исключить из науки о государстве экополитику, так как он сам же, как мы выше видели, признает, что он в этой области не знает „прямых подготовительных работ” со стороны представителей экополитической науки.

Р. Челлен, как мы выше видели из его собственных слов, оценивает свою систему лишь как первую попытку объединить науку о государстве в одно систематическое целое, почему он и не считал свою систему окончательной; напротив, он ожидал от своих преемников дальнейшего ее усовершенствования и даже допускал возможность ее существенной перестройки с их стороны. Но в таком случае ему следовало бы более или менее грубыми мазками наметить ее очертания, не вдаваясь во все те тонкие разграничения, которые он делает.

Весьма неблагоприятно у Р. Челлена обстоит дело и с отграничением науки о государстве от других областей знания, с ней соприкасающихся. Сколько-нибудь серьезной попытки в этом направлении у него нет: он сам вынужден признать, что проводимое им разграничение носит неопределенный характер. Заявляя, с другой стороны, права науки о государстве на отрасли знания, которые до настоящего времени культивировались другими науками, Р. Челлен захватывает такие обширные области и придает своей науке такие необъятные размеры, что в качестве первоочередного возникает вопрос о введении ее в более тесные границы.¹ К тому же те науки, за счет которых он расширяет содержание науки о государстве, едва ли добровольно пойдут на уступки в намеченных Р. Челленом размерах. И тут неизбежно должен будет произойти целый ряд горячих пограничных споров, часто с весьма сомнительными для науки о государстве успехами. Далее на примере „геополитики” и „экополитики” будет подробно указан широкий размах произведенных Р. Челленом захватов – размах, простирающийся и на такие области, которые никак не могут быть включены в науку о государстве, как бы широко ее ни понимать, и которые уже принадлежат другим наукам или по праву должны им принадлежать.

1. Наименования, даваемые Р. Челленом отдельным „главам” намечаемых им „наук”, не всегда представляются мне удачными. Особенно неудачным кажется мне наименование биополитика, даваемое им второй главе социополитики, так как греческим словом „bios” обозначается всякая жизнь, а не специально жизнь общества. Но я не буду рассматривать этот вопрос, так как это слишком отвлекло бы меня в сторону.

Историческое развитие геополитики. Я перейду теперь к рассмотрению взглядов Челлена на геополитику.

Термин „геополитика” является творением Р. Челлена. Как он сам об этом рассказывает, впервые он был им применен в публичной лекции, прочитанной в 1899 г. и напечатанной в 1906 г. в серии „Введение в географию Швеции”, причем первоначально этот термин у Р. Челлена означал то же самое, что и термин „Политическая география” и отчасти „Антропогеография” у Ратцеля. В немецкой литературе термин „геополитика” стал впервые известен из рецензии на названную лекцию, помещенную известным австрийским географом Зигером в издаваемом Ратцелем журнале „Geographische Zeitschrift” за 1903 г. (с. 481), причем Зигером этот термин был признан столь же неудачным, „сколь и точка зрения автора на положение геополитики в системе наук”. Два года спустя, в 1905 г., Р. Челлен поместил в названном журнале статью, само заглавие которой уже включало вновь предложенный им термин. Эта статья, озаглавленная „Геополитические рассуждения о Скандинавии”, была написана в связи с прошедшим в 1905 г. разрывом шведско-норвежской унии; Р. Челлен выражал в ней, между прочим (с. 658, прим.), сожаление, что термин „геополитика” не понравился Зигеру, высказывая вместе с тем надежду, что этот термин „быть может, покажется более естественным тем, кто, подобно автору, пришел к географии от науки о государстве”.

Более широко термин „геополитика” стал пробивать себе дорогу за пределами Швеции уже несколько позднее, а именно вместе с проникновением туда всей системы Р. Челлена. Это произошло в связи с его работой о „Политических проблемах мировой войны” (1916 г.), первые две главы которой озаглавлены „Геополитические проблемы”. С тех пор термин „геополитика” получил широкое распространение: его, по словам Челлена, „находят везде, по крайней мере в немецкой и скандинавской литературе; причем немцы, – продолжает Р. Челлен, – иногда называют его термином „Raumpolitik” („пространственная политика”), вкладывая, впрочем, в этот вопрос „некоторый оттенок в сторону динамики или активности”.

Одним из проявлений той популярности, какую термин „геополитика” приобрел, является упомянутый ранее журнал „Zeitschrift für Geopolitik”. Его редакторы являются энергичными пропагандистами геополитических идей и это обнаруживается не только в их живом участии в журнале, но и в их весьма обширной и разносторонней писательской деятельности, выражающейся в большом количестве научных трудов по связанным с геополитикой вопросам.

Каковы же условия, на почве которых появилась и достигла столь быстрого и значительного успеха предложенная Р. Челленом новая наука – геополитика? Ниже я подробно на этом вопросе остановлюсь; здесь я сначала скажу несколько слов о том, где сам Р. Челлен видел исходные точки геополитики и в ком он видел своих предшественников.

Таковыми предшественниками он считал представителей политической географии. „Так как материал геополитики весьма тесно соприкасается с политической географией, то следует ожидать, что государствоведом должна быть использована в качестве подготовительной – работа географа”. Такая работа имеется, но она, по мнению Р. Челлена, количественно невелика: англо-французский мир, с его слабым интересам к систематизации, ничего здесь не дал; но и в немецкой литературе можно найти лишь 3-4 работы, действительно заслуживающих внимания.¹

Среди этих работ на первом месте – в отношении как времени появления, так и значения – стоят труды Ратцеля. Еще в 1901 г. Р. Челлен следующим образом охарактеризовал ту роль, которую Ратцель сыграл в рассматриваемом вопросе.

„Одним из величайших открытий нашего времени является признание, что для знакомства с известным предметом необходимо также знакомство с окружающей его средой”. „Этот метод за последнее время нашел применение и в политической науке; и здесь реформатором явился Фридрих Ратцель. То, что он свои произведения назвал „Антропогеография” и „Политическая география”, не меняет дела, подвергнув исследованию

1. Grundriss zu einem System der Politik. S. 61.

различные отношения между государствами и их территориями („Mark”), их землями, Ратцель углубил наши познания о государстве”.

„Принадлежащая данному государству земля и форма его территории составляют для него как бы оправу, которая ему дана раз и навсегда. В пределах ее до известной степени скрываются все возможности его развития, далее которых оно пойти не может. Эта оправа может быть расширена путем экспансии, она может быть прорвана вследствие внешнего давления и т. д., но в каждый данный момент она образует необходимый закон государства, ограничивающий его свободную волю в истории”.

„Поэтому теперь, после данного Ратцелем толчка, изучение государства должно быть расширено и должно быть распространено на познание характера их границ, их общих морфологических условий, их положения, площади и формы, короче говоря, на познание всего их расположения и окружения. Статистические данные по этим вопросам уже давно сообщались в виде внешнего придатка к сведениям о государственном строе. Лишь теперь стала ясна та глубокая органическая связь, которая делает эту естественную сторону государства одной из центральных глав будущей политической науки”.¹

Р. Челлен отмечает значение трудов Ратцеля, и в своих позднейших работах, ставя на первое место его „политическую географию”,² Р. Челлен справедливо считает Ратцеля не только основателем антропогеографии, но и реформатором политической географии. На воздвигнутой Ратцелем связи между государством и его территорией покоится органический взгляд Ратцеля на государство, согласно которому государства на всех ступенях их развития должны быть рассматриваемы как особого рода естественные организмы. Государство представляет собой кусок человечества и кусок организованной земли – так гласит окончательный диагноз, даваемый Ратцелем в его „Политической географии”.³

Применив эти точки зрения к изучению политической географии, Ратцель, по мнению Р. Челлена, возвел ее на уровень науки. Впрочем, Р. Челлен признает и недостатки Ратцеля, который, по его словам, был больше собирателем, чем систематиком. Его работы страдают отсутствием архитектурного плана. Сознывая свою слабость в этой области, Ратцель поощрил своего ученика Шёне (Schöne) дать сжатое изложение политической географии. Однако работа Шёне, вышедшая в 1911 г. под заглавием „Politische Geographie”, представляет собой, в глазах Челлена, скорее, внешнюю сводку материала, чем объединение всего его многообразия в одно органическое целое.

Еще более разрозненный характер, по мнению Челлена, носит изложение в посвященном „Государствам” отделе курса географии Германа Вагнера, хотя Челлен и признает этот отдел весьма богатым по содержанию и выводам.⁴ Наконец, Р. Челлен упоминает относящуюся к более позднему времени работу Зупана, вышедшую в 1918 г. и посвященную основам политической географии. Эту работу он считает серьезной попыткой систематизировать материал, хотя он и признает выдвигаемую Зупаном схему недостаточной.⁵

Незадолго до смерти Р. Челлена, а затем и после его смерти, появился еще ряд руководств по политической географии, среди которых следует в особенности назвать труды проф. Фогеля и проф. Маулля.⁶ Но по стопам Ратцеля пошли не только названные выше ученые, которые стремились облечь политическую географию в систематическую форму и создать систему этой науки, но и ряд других ученых, стремившихся осуществить идеи

1. Перепечатано в книге „Der Staat als Lebensform”. S. 204-206.

2. Friedrich Ratzel. Politische Geographie. 1-е изд. вышло в 1897 г., 2-е – в 1903 г., а 3-е – в 1923 г., т. е. уже после смерти Челлена.

3. „Der Staat als Lebensform”. S. 25. Ср.: F. Ratzel. Politische Geographie. 2-е изд. 1903. S. 4.

4. Herman Wagner. Lesebuch der Geographie. 1-е изд. вышло в 1899 г., 7-е, на которое ссылается Челлен, вышло в 1903 г.

5. Grundriss zu einem System der Politik. S. 61-63.

6. Walter Vogel. Politische Geographie. Leipzig und Berlin, 1922; Maull. Politische Geographie. Berlin, 1925. Сюда относятся также работы Артура Дикса, хотя они в некоторых своих частях и носят характер более публицистический; Artur Dix. Politische Geographie. Uulpolitisches Handbuk. 2-е изд. München und Berlin, 1923; Geoökonomie. München und Berlin, 1925.

Ратцеля путем изучения отдельных конкретных государств. Сюда – в качестве „свежего и показательного образца” – Челлен относит, например, книгу Геттнера о России.¹

Такова родословная, которую Р. Челлен устанавливает для своей геополитики: эта родословная, как мы видели, непосредственно приводит к политической географии в понимании Ратцеля.

Взгляды Р. Челлена на геополитику и отграничение ее от политической географии. Я обращаюсь теперь к более подробному анализу содержания геополитики и ее отличий от политической географии.

„Геополитика, – по словам Челлена, – есть учение о государстве как географическом организме или явлении в пространстве: она, таким образом, есть учение о государстве как стране, территории или области”.² „Геополитика, – говорит он в другом месте, – есть учение о государстве как территории; в своем роде она является аналогией к геофизике или к учению о земле в зависимости от естественных законов”.³

Как это определение, сильно приближающее геополитику к политической географии в понимании Ратцеля и его преемников, так и устанавливаемая самим Челленом связь между геополитикой и политической географией заставляют поставить вопрос: каковы взаимоотношения этих двух дисциплин и где проходят границы между ними?

„При изучении государства в его международном окружении, – говорит Челлен, – прежде всего бросается в глаза географическая сторона вопроса...⁴ Не подлежит сомнению, что при мысли о той или другой иностранной державе нашему воображению представляется прежде всего географическая карта. Нечего поэтому удивляться, что современная география заявляет притязание на изучение государства, понимаемого как на свое поле исследования”. Застав это поле в невспаханном виде, за его обработку принялись географы, и среди них прежде всего Ратцель и его школа. Р. Челлен напоминает при этом, что Ратцель (в предисловии к своей „Политической географии”) признавал права первенства, принадлежащие в отношении этого материала науке о государстве: „Разве не следовало бы думать, – говорит здесь Ратцель, – что эту задачу должна бы взять на себя наука о государстве? Так как, однако, представители последней позволяют своему предмету изучения висеть в воздухе, то, – по его мнению, – география должна заполнить этот пробел”.

В этом же изложении, как изучение „государственной территории”, находится, – по мнению Челлена, также и изучение народа” – этого второго элемента в исторически сложившемся государстве. Однако, по мнению Челлена, здесь дело обстоит еще хуже, если не считать попытку Рицлера.⁵ Представляемое „народом” поле изучения и теперь продолжает оставаться необработанным, так как этнографы не последовали примеру географа. Высказывая такое мнение, Челлен совершенно упускает из виду те весьма крупные достижения, которые имеются в области статистики населения или демографии. Такая односторонность объясняется несомненно тем обстоятельством, что интересы его лежат главным образом на стороне этнографии. С последней он, вероятно, был и более знаком, чем с демографией, внесенной им в его систему лишь для полноты последней.

Таково положение, как его описывает Р. Челлен. Вместе с тем, однако, он признает, что география и этнография не могут дать достаточно широкую и глубокую разработку всех вопросов, относящихся к области геополитики и демополитики, так как они в этом не компетентны. „Понятия земля и народ еще далеко не полно охватывают сущность государства как державы. Они наиболее важны для его характеристики, но не исчерпывают его содержания. Названия Германия, Франция и т.д. охватывают нечто более широкое и

1. A. Hettner. Russland, Eine Betrachtung von Volk, Staat und Kultur. 3-e изд. Leipzig und Berlin, 1916.

2. Der Staat als Lebensform. S. 45. По-немецки у Челлена сказано: „der Staat als Land, Territorium, Gebichtoder, als bezeichnendstur als Reich”. Слово „Reich”, которое Челлен считает наиболее выпуклым термином для обозначенная государственной территории, на русский переводится как „государство”.

3. Grundriss zu einem System der Politik. S. 40.

4. Под „географической стороной”, как мы увидим ниже, Р.Челлен, по примеру большинства географов, разумет „фивюс@ географическую сторону”.

5. Kurt Rietsler. Prolegomena zu einer Theorii des Politik.

глубокое. Они, без сомнения, вызывают у нас представление также и об общественных и правовых особенностях... Загадка государства покоится в духовных глубинах, она глубже, чем поле зрения географической науки. С этим недавно согласился и такой авторитетный представитель последней, как Пенк, хотя он вместе с тем и признает, что перспектива взяться за вспахивание этого пустующего поля представляется заманчивым делом науки. Таким образом, мы стоим перед действительным пробелом в нашей научной организации”.¹

Приведенными рассуждениями Р. Челлен, однако, отнюдь еще не хочет исключить изучение государства из области географии и не думает об упразднении политической географии как составной части географии. Как изучение народа составляет задачу этнографа, так, по его мнению, „изучение государства входит в задачи политического географа, который стремится включить в область своего исследования все то, что заключено в данном пространстве и на чем воздвигнуто, причем предмет его изучения является одним из подразделений становления”.²

Но в таком случае возникает вопрос о том, как отграничить геополитику от политической географии и демополитику от этнографии? Р. Челлен рассматривает оба этих вопроса, из которых я остановлюсь только на первом.

„Отношение политики, – говорил Челлен, – к политической географии наиболее сходно с отношением ее к политической истории. Всю эту область политика могла бы предоставить географии, но она могла бы и сама заявить на нее притязание, тем самым доведя географию до уровня чистой геофизики; в обоих случаях их конкуренция отпала бы, Но так как, вероятно, ни одна из обеих наук не захочет и не сможет отказаться от столь важной области (во всяком случае от нее не откажется политика), то приходится решиться на разграничение их по содержанию, такое разграничение очевидно само собой, потому что предметом политики является страна как таковая, но страна, политически организованная и пропитанная политической властью, служащая политическим задачам. Этому пониманию соответствует термин государственная территория (Reich – по-немецки, rike – по-шведски), и это есть нечто совершенно иное, чем просто страна. Последняя интересует политику как форма или территория и как содержание или доминиум, но всегда и исключительно только с точки зрения власти. Отсюда, между прочим, вытекает совершенно разный подход к изучению страны со стороны аналитической геополитики и политической географии. В этом отношении достаточно следующего примера: для политической географии Индия является азиатской страной, а для геополитики – страной британской и, следовательно, европейской, ибо политической властью, ее организующей и ее пропитывающей, является власть британская”.³

Резюмируя сказанное и характеризуя ту часть геополитики, которая под названием физиополитики составляет ее третью главу, Р. Челлен следующим образом определяет ее отношение к географии: „географ доставляет материал, политик в этой главе (т.е. в физиополитике) вступает с географом в наибольшее соприкосновение, но он всегда подходит к даваемым ему географом сведениям с особой точки зрения, а именно использует их в качестве сырого материала для выяснения строения государства и его жизни”.⁴

1. Der Staat als Lebensform. S. 24-27.

2. Grundriss zu einem System der Politik. S. 28-29.

3. Grundriss zu einem System der Politik. S. 29-30. В дальнейшем изложении Челлен отграничивает здесь демополитику от этнографии (с. 30-31). Следует, кстати, заметить, что геофизика, к которой, по мнению Челлена, география свелась бы в случае исключения из нее политической географии, является просто совсем другой наукой.

4. Grundriss zu einem System der Politik. S. 70. Несколько ранее, в своей работе „Государство как форма жизни”, Челлен следующим образом высказывается о границах между политикой и географией: „Производимая в науке о государстве исследовательская работа, – говорит он здесь, – должна носить прежде всего описательный характер. Общей предпосылкой ее является эмпирическое наблюдение над фактически существующими государствами. Она рассматривает каждое государство последовательно как государственную территорию, как хозяйство, как народ, как общественную власть или правовой субъект, не ограничиваясь какой-либо одной из этих, причем она стоит на точке зрения, что все эти стороны лишь разные проявления одной и той же жизни, что они представляют собой как бы пять элементов одной и той же силы. Ее левым

Первая ошибка Р. Челлена: представление о географии как о науке не хорологической, но систематической. Я обращаюсь теперь к критической оценке изложенного разграничения между геополитикой и политической географией. Мне представляется, что лежащая в его основе точка зрения не выдерживает критики, покоясь на двух ошибочных представлениях.

Ошибка Челлена, с одной стороны, заключается в том, что он считает географию наукой не хорологической, а систематической, а с другой стороны, в том, что он признает ее за науку, объединяющую одни только естественные явления. Я последовательно рассмотрю каждое из этих ошибочных представлений.

I. Хотя Р. Челлен близко стоял к географии, от его внимания ускользнула получившая за последнее время широкое распространение точка зрения, согласно которой география представляет собой науку хорологическую. При таком понимании география отличается от других наук не характером изучаемых ею явлений, но подходом к этим явлениям.

Для того чтобы установить сущность геополитики, как ее понимает Челлен, мы поэтому должны прежде всего выяснить, характеризуется ли она хорологическим подходом или нет. Мне кажется, что на этот вопрос должен быть дан положительный ответ.

В пользу такого ответа говорит, во-первых, вся теоретическая постановка вопроса у Р. Челлена. Предметом геополитики являются отдельные исторически сложившиеся государства, причем она исследует связанные с государственной территорией конкретные особенности каждого из них с точки зрения как положения территории данного государства по отношению к другим государствам, так и границ и форм данной территории и ее, если можно так выразиться, „естественного содержания”. При этом она изучает эти особенности не изолированно, но в их взаимозависимости или связи со всеми другими сторонами государственной организации и деятельности: чтобы убедиться в последнем, достаточно вспомнить приведенный выше взгляд Р. Челлена о неразрывной связи, в которой пять намеченных им сторон государственной жизни между собой находятся и в какой они должны быть изучаемы.

Таким образом, геополитика, в постановке Р. Челлена, удовлетворяет всем требованиям, предъявленным к характеризующему географию хорологическому подходу: она изучает отдельные пространства земной поверхности – в данном случае отдельные государства – как особые пространственные индивидуальные единицы и для их характеристики исследует наблюдаемые в этих пространственных единицах явления с точки зрения их местных различий, анализируя в то же время их взаимную причинную обусловленность.

Таким образом, во всех приведенных отношениях геополитика в полной мере обнаруживает требуемые географическим подходом хорологические особенности, и трудно поэтому подыскать причины, в силу которых геополитику следовало бы исключить из области географии.

Если так поступает Р. Челлен, то это объясняется тем, что он смотрит на географию как на науку не хорологическую, но систематическую, отличающуюся от других наук не своим подходом, но самим характером изучаемых явлений. Что это так, видно из сопоставления географии с другими науками, упоминаемыми Р. Челленом в качестве пограничных с политикой. Если для геополитики такой наукой является политическая география, то для экполитики ею является экономическая наука (вместо которой Челлен иногда называет статистику), для демополитики – этнография и сравнительное языкознание, для социополитики – социология, для кратополитики – государственное право, причем во всех случаях он трактует их в качестве лежащих в одной и той же плоскости, т.е. в качестве наук

крылом является не география, но геополитика, предметом которой является не страна как таковая, но всегда и исключительно только страна, пропитанная политической организацией, т.е. государственная территория. Ее правым крылом является кратополитика, а в центре между этими двумя крыльями находятся экполитика, демополитика и социополитика, которые также следует строго отличать от государственного права и истории государственного строя, от экономической науки, этнографии и социополитики. Теоретически, – заканчивает Челлен, – границы ясны. Что их часто не так легко бывает найти на практике – лежит в природе вещей, так как отдельные области, на которые распадается наука, никогда не бывают отграничены резко очерченными пограничными стенами и твердыми линиями” (Der Staat als Lebensform. S. 41-42).

систематических.

Каково должно быть положение политической географии среди других наук? Предыдущее положение показало, что геополитика Р. Челлена поглощает собой политическую географию в том понимании, какое ей придавал Ратцель. В связи с этим представляется интересным поставить вопрос: в чем должен заключаться предмет политической географии и каково должно быть отношение ее к сопредельным с нею наукам?

При рассмотрении этого вопроса я возьму исходной точкой те положения о предмете и составе географии, которые были сформулированы Геттнером.

Согласно учению Геттнера, география распадается на две части: на общую географию и на страноведение.¹ Общая география изучает пространственное распределение отдельных групп явлений по всей земле или по более значительным ее частям (сохраняя при этом хорологический подход, чем одна система отличается от соответствующих частей систематических наук: географической ботаники, географической зоологии, топографической минералогии и т.д.), а страноведение изучает сосуществование различных групп явлений в одном каком-нибудь месте Земли. Так как страноведение изучает характер отдельных стран и ландшафтов в отношении всей совокупности наблюдаемых в них явлений, рассматривая каждую страну или каждый ландшафт как нечто цельное, то отсюда вытекает, что и страноведение представляет собой нечто цельное и надежное, не могущее быть расчлененным на отдельные части. Поэтому география ботаническая, зоологическая и т.д. могут быть только частями общей географии, дающими лишь общие картины пространственного распределения данной группы явлений по всему земному шару или по значительным частям последнего. Изучение пространственного распределения отдельных групп явлений в пределах данной страны или данного ландшафта может производиться в страноведении только в связи с изучением всех других характеризующих эту страну или этот ландшафт явлений, без чего оно теряет свой хорологический характер и перестает быть географией, становясь географической ботаникой, географической зоологией и т.д. и переходя в состав соответствующих естественных наук.

Отсюда полагают, что политическая география не может быть частью страноведения, как не могут быть частями последней география ботаническая, зоологическая и т.д. Политическая география может существовать только как часть общей географии, имея своим предметом общий обзор политических явлений и их распространении по всему земному шару или по крупным частям последнего.

Таковы те выводы, к которым приводит последовательное проведение идей Геттнера.² Однако с этими выводами, как мне кажется, примириться нельзя. Как часто бывает в жизни, и здесь факты не соответствуют схематическому построению. Существование политической географии есть один из таких фактов, так же как и существование экономической географии. Поэтому в схему приходится внести поправку: наряду с общехорологическим подходом, в понимании Геттнера, приходится признать допустимость и частнохорологического или частично-хорологического подхода, объединяющего не всю совокупность характеризующих данный ландшафт явлений, но лишь какую-нибудь одну более или менее значительную группу их, и стремящегося хорологически изучить данную страну или данный ландшафт с точки зрения только этой группы, останавливаясь на других группах лишь попутно, поскольку они причинно связаны с явлениями изучаемой группы. Результатом такого подхода явятся такие дисциплины, как политическая или экономическая география – дисциплины, которые охватывают соответствующие части не только общей географии, но и страноведения, и которые в своей страноведческой части могут быть названы

1. В новой своей книге („Die Geographie“ S. 403) Геттнер рядом с этими двумя частями различает еще и третью – сравнительное страноведение, но это для проводимого в тексте хода рассуждений несущественно. См. также: В.Э. Ден. Курс экономической географии. 3-е изд. Л., 1928. С. 16 и след.

2. К сожалению, у Геттнера (как в его многочисленных прежних статьях, так и в его новом сводном труде) вопрос о положении отдельных подразделений географии (географии ботанической, зоологической, политической, экономической и т.д.) не получает достаточно определенной постановки и четкого разрешения, и посвященное ему изложение лишено должной ясности.

противоречивыми, с точки зрения Геттнера, наименованиями „политического страноведения” или ”экономического страноведения”.

Понятно, что в этих дисциплинах и разделение земной поверхности на подлежащие изучению ландшафты должно быть иным, чем в страноведении, и что оно должно быть различным в зависимости от подлежащей изучению группы явлений: уже при установлении экономических районов или областей придется в высокой мере считаться с политическими границами в качестве районообразующих факторов, а в политической географии политические границы должны будут всецело лечь в основу разделения.

Мы видим, какой характер должна носить политическая география: она должна быть признана самостоятельной наукой, лежащей между географией и наукой о государстве, и должна включать в себя наряду с соответствующей частью общей географии также и то, что можно назвать „политическим страноведением”.

Вторая ошибка Р. Челлена: ограничение содержания географии явлениями естественными.

II. Признав, что под названием геополитики у Р. Челлена скрывается политическая география, мы должны будем затем сделать еще и дальнейший шаг и признать, что геополитикой, в понимании Челлена, политическая география не исчерпывается и что многое из того, что Р. Челлен относит к другим отделам своей науки о государстве, также должно быть включено в политическую географию. Это приводит нас к второй ошибке Р. Челлена, состоящей в том, что он рассматривает географию как науку, имеющую дело только с явлениями естествознания.

Эта точка зрения красной нитью проходит через все рассуждения Р. Челлена и, как читатель не мог не заметить, ярко проявилась уже и в предыдущем изложении. Из географии черпает необходимый ей материал только геополитика, касающаяся влияния на государство природных факторов, связанных с его территорией; остальные части политики заимствуют необходимые им материалы из других наук – этнографии, экономической науки, социологии, государственного права, но не из географии. Таким образом, география есть наука, трактующая только природные явления или факторы.

Как только что замечено, приведенная особенность во взглядах Р. Челлена уже достаточно ярко обнаружилась в предыдущем изложении, но для ее подтверждения можно было бы привести немало еще и других цитат.¹

Все это показывает нам, что геополитика и лежащая в ее основе политическая география имеют, по мнению Челлена, дело лишь с природными факторами государства, с природным окружением последнего, которое Челлен, следуя терминологии, весьма часто встречающейся в германской географической литературе и перешедшей отсюда также в нашу, называет также „географическим окружением”.²

Сведение географии на уровень „физической географии”, т.е. на уровень: науки, изучающей одни только естественные явления, столь же мало может быть признано

1. Приведем несколько примеров. „География, – говорил Челлен в своей статье 1901 г., – интересуется внешностью земли, независимо от того, возвел ли человек на ней культурные сооружения, или нет”(перепечатано в „Der Staat als Lebensform”. S. 207). «Геополитика и этнополитика, – говорит Челлен в своей работе „Государство как форма жизни”, – изучает государственную территорию и народ: в этих двух факторах „биологический характер государства” обнаруживается с наибольшей непосредственностью и неизбежностью. Они в большей степени, чем все другие факторы, являются объективными категориями, ограничивающими свободу действия государства. Поэтому они могут быть названы специально природной стороной государства в противоположность хозяйству, обществу и властвованию, которые не могут быть названы его культурной стороной» („Der Staat als Lebensform”. S. 43). В своей работе „Основы системы политики” (нем. изд.) на с. 62 Р. Челлен относит к „естественной стороне” государства также и хозяйство, а на с. 57 этой работы он указывает на трудность проведения границы между природной и культурной стороной государства. В той же работе, посвященной государству как форме жизни (с. 84), Р. Челлен, резюмируя посвященную геополитике главу, высказывает мнение, что отношения между государством и его территорией „не есть отношение внешнее, но подобно отношению владельца ко всему владению, но отношение внутреннее, которое, скорее всего, можно сравнить с отношением между человеком и его физическим телом”.

2. См., например, „Der Staat als Lebensform”. 1901. S. 206.

правильным, как и превращение ее из хорологической науки в систематическую. В чем заключается точка зрения современной географии по этому вопросу? По мнению Геттнера, течения, сводящие географию к одной только физической географии, стоят в полном противоречии с историей географии, они, по его словам, не получили развития, почему в настоящее время может считаться общепринятым, что география охватывает все наблюдаемые на земном шаре явления, поскольку они обнаруживают известные различия, находящиеся в причинной связи с другими местными явлениями, независимо от того, касаются ли они природы или человека. Геттнер поэтому находит, что явления, касающиеся человека, и притом как его физической жизни, так и его хозяйства, общественного и государственного строя – все эти явления в такой же степени должны подлежать географическому изучению, как и явления окружающей нас природы.¹

Однако и теперь еще в немецкой географической науке мы весьма часто встречаемся с таким пониманием географии, согласно которому эта наука и отдельные ее части должны изучать пространственное распространение тех или других явлений в связи лишь с теми естественными факторами, которые на них влияют. На этой точке зрения стоял и Ратцель, ее придерживается и большинство современных немецких политических и экономических географов; далеко не чужд ее и сам Геттнер, хотя он против нее неоднократно и выступает, но у него вместе с тем можно найти немало и таких суждений, которые этому противоречат и в которых он, говоря о „географии человека“, выставляет предметом ее изучения связь пространственного распределения явлений человеческой науки только с окружающими человека природными условиями.

Представляется совершенно непонятным, почему география должна принимать во внимание не все факторы, которые на пространственное распределение явлений влияют, а одни только факторы естественные. В жизни человеческого общества, наряду с последними, весьма важную роль играют и факторы иного рода. Так, например, пространственное распределение явлений хозяйственных в значительной мере определяется условиями хозяйственными или политическими. В отношении сельского хозяйства это в высокой степени наглядно показал Тюнен, который, аннулировав влияние всех природных условий – рельефа, климата, почвы и т.д., – обнаружил тем не менее существенные местные различия в характере сельского хозяйства – различия, обусловленные причинами чисто хозяйственными. Эти причины должны быть принимаемы во внимание в географии в такой же степени, как и факторы природные.

А если это так, если мы признаем, что география должна иметь в виду совокупность всех влияющих на пространственное распределение явлений причин, то мы вместе с тем должны будем отнести к политической географии не только то, что у Челлена входит в состав геополитики, но и многое из того, что он включает в остальные части своей науки о государстве – в демополитику, экополитику, социополитику и даже кратополитику. Политическая география должна иметь дело не только с территорией и влиянием ее на государство, но и с населением (его численностью, составом – профессиональным, социальным, племенным и т.д.), с организацией и деятельностью государственной власти, с общественным строем и в некоторых отношениях также с хозяйством. Все эти явления должны быть включены в политическую географию, конечно, лишь постольку, поскольку они имеют отношение к пространственному распределению политических явлений.

Это находится в тесной связи с тем обстоятельством, что Р. Челлен является ярким представителем современного империализма.

Причины успеха геополитики в Германии. Прежде чем расстаться с изложением и критикой взглядов Р. Челлена на геополитику, я вкратце остановлюсь на вопросе о тех условиях, на почве которых эта наука появилась и достигла затем столь быстрого и значительного успеха.

Едва ли можно сомневаться в том, что центр тяжести учения Р. Челлена лежит именно в геополитике. Последняя, при всем интересе Р. Челлена и к другим сторонам государственной

1. A. Gettner. Die Geographie. S. 106.

жизни, в наибольшей степени привлекает его внимание. Центральное положение геополитики в учении Р. Челлена, а равно и успех, какого эта наука в Германии достигла, объясняются той необычной остротой, какую относимые Р. Челленом к геополитике вопросы за последнее время приобрели. За последние полстолетия мир – в политическом смысле – стал становиться все более и более тесным. Еще не так далеко от нас то время, когда на земном шаре имелось немало не освоенных колониальными державами земель. Таково было положение еще в 70-х годах XIX в. Наступившая, однако, с тех пор эпоха колониальных захватов привела к тому, что в настоящее время таких земель уже более не имеется – все они уже распределены. Поэтому в будущем захваты незанятых земель уже невозможны, а возможен лишь передел уже захваченного.

В своей книге „Империализм как высшая стадия капитализма” Ленин приводит следующую таблицу.

Процент площади, принадлежащей европейским колониальным державам и США

	1876 г.	1900 г.	Изменение, %
Африка	10,8	90,4	+ 79,60
Полинезия	56,8	98,9	+ 42,10
Азия	51,5	56,5	+ 5,1
Австралия	100,0	100,0	–
Америка	27,5	27,2	-0,3

Эта таблица настолько ярко обнаруживает отмеченное выше явление, что не нуждается в дальнейших разъяснениях.

С 1900 г. процесс колониальных захватов продолжал развиваться, и в настоящее время раздел земного шара может считаться завершенным. Если его избежали такие страны, как Персия и Китай, которым отмеченный процесс несомненно грозил, то это объясняется теми же причинами, по которым сумели сохранить свои колонии некоторые мелкие государства, такие как Испания, Португалия, Бельгия и Голландия. Этими причинами являются противоположность интересов крупных империалистических держав и их соперничество в отношении колониальных захватов.

Благодаря указанным обстоятельствам в настоящее время империалистические страны, не сумевшие своевременно урезать себе соответственный кусок колониальной территории, либо остаются ни с чем, либо должны отнять то, чем они хотят завладеть, у других.

В таком положении и находилась Германия, которая довольно поздно, лишь в 80-х годах XIX в., ступив на арену колониальной политики, вынуждена была удовольствоваться „объедками”, оставшимися от трапезы ее более счастливых соперников.

Мировая война не только не исправила этого и не только не осуществила мечтаний германских империалистов, надеявшихся на расширение ее колониальных владений, но привела к катастрофе, в результате которой у Германии было отнято и то сравнительно малоценное, что у нее ранее было. Сюда присоединяются те потери, которые Германия понесла в отношении своей европейской территории и то изуродование, которое претерпели ее политические границы (равно как и политические границы Австрии).

Приведенные обстоятельства объясняют тот острый интерес к геополитике, который в настоящее время в Германии наблюдается. Включаемые Р. Челленом и его преемниками в эту науку вопросы как раз охватывают все то, что вытекает из наступившей на земном шаре „земельной тесноты” и из произведенной в результате войны перекройки политической карты Европы, и если империалистические круги к этим вопросам с особенным интересом

относятся именно в Германии, то в этом после сказанного нет ничего удивительного.¹

Следует признать вполне естественным, что с создавшимся после мировой войны положением носители германского империализма не могут примириться, и отсюда вытекает тот чрезвычайный интерес, с которым геополитика была в Германии встречена; нигде, как здесь, брошенные Р. Челленом семена не упали на столь плодородную почву.

Характерной особенностью современного империализма является необычайная концентрация политического могущества и хозяйственной мощи в руках небольшого числа крупных держав, стремящихся опередить и вытеснить друг друга. Вместе с зависимыми от них и примыкающими к ним другими странами, политически с ними связанными (колониями и доминионами) или экономически им подчиненными, эти „великие державы” являются носителями современного империализма. Их стремление к гегемонии неизбежно побуждает стремиться к территориальной экспансии, причем территориальные вождения их распространяются не только на страны сырьевые (преимущественно аграрные), но и на промышленные районы и на такие области и пункты, которые могут служить опорными точками военного или торгового значения.

Являясь носителями империалистической борьбы, великие державы должны были стать главным предметом изучения геополитики. Вполне понятно поэтому, почему Р. Челлен в своих попытках подвергнуть внутреннюю и внешнюю жизнь государств конкретному изучению остановил свое внимание именно на „великих державах”.

Преыдущее изложение показало, что геополитика в том понимании, в каком ее представил Р. Челлен и в каком ее с некоторыми отступлениями понимают и его преемники в Германии, является выражением империалистических стремлений, разделяемых некоторыми, и притом довольно широкими, слоями германского населения (земельной аристократией, крупной буржуазией, многими кругами мелкой буржуазии и т.д.). В этом лежит ключ к пониманию того успеха, какой в Германии имели труды Р. Челлена и какой в настоящее время имеют такие издания как „Zeitschrift für Geopolitik”. Этот журнал, весьма живой и интересный по своему содержанию и по актуальности трактуемых в нем проблем, является идейным представителем названных выше кругов германского общества – тех кругов, которые скорбят о былом политическом могуществе и мировом положении Германии, о потерянных ею колониях и разрушенных перспективах. Стремясь восстановить утерянное и вновь встать на путь хозяйственного подъема и колониальной экспансии, эти круги проявляют острый интерес к тем вопросам, которые Челлен окрестил наименованием геополитических, почему их представители и стремятся своим журналом и многочисленными литературными трудами поддерживать и развивать интерес к этим вопросам среди широких кругов германского населения.

Критическая оценка учения Р. Челлена об эконополитике. Прежде чем закончить настоящую статью, я сделаю еще несколько замечаний по вопросу об эконополитике и об отношении ее к экономической науке.

Спрашивается: в чем заключается отличие эконополитики от экономической науки? И где проходит граница между ними?

В своей книге „Государство как форма жизни” Р. Челлен дает на этот вопрос следующий ответ. Эконополитика изучает „государство как хозяйственный организм или как хозяйство”. Это сближает ее с экономической наукой. Однако между ними наблюдается различие в том, что эконополитика „в качестве политической дисциплины интересуется не хозяйственными законами как таковыми, но лишь их воздействием на состояние здоровья существующих государств. Эконополитика изучает государства, каждое в отдельности, в отношении всех тех вопросов, которыми обуславливается хозяйственная независимость, хорошо сознавая, что это свойство в мире государств, так же как и в мире частных лиц, имеет

1. Описанными в тексте условиями в значительной степени объясняется та обширная литература, которую мы за последнее время наблюдаем по вопросу о политических границах. См., например, Karl Haushofer Grenzen, inder geographischen und politischen Bedeutung. Berlin, 1927.

глубокое значение для всего существования”¹.

Не может не поразить замечание Р. Челлена, что „экономическая наука до настоящего времени подходила к своей задаче больше со стороны теоретической и догматической, чем описательной”. Это замечание показывает, в какой степени от внимания Р. Челлена ускользнуло то огромное развитие, какое, в особенности в 1870-х гг., получила преимущественно в Германии, но и в других странах описательная экономическая литература, в том числе хозяйственно-географическая, а также и то крупное значение, какое за это время рядом с политической экономией как теоретической наукой получили, с одной стороны, специальные отрасли экономической науки, посвященные теоретическому изучению отдельных отраслей и сторон хозяйственной жизни, а с другой стороны, и различные отрасли прикладной экономики; Р. Челлен хочет захватить и включить в науку о государстве обширнейшую область, которую он считает бесхозной, но которая давно уже составляет содержание многочисленных дисциплин, входящих в состав экономической науки, да и по существу от нее не могущих быть отделенными.

В самом деле, весь тот материал, который Р. Челлен относит к экополитике, уже входит в состав либо экономической географии (в ее как отраслевом, так и районном аспекте), либо упомянутых выше специальных теоретических и прикладных отделов экономической науки. И он к этим дисциплинам, по существу, и принадлежит. Было бы в самом деле странно, если бы одно только теоретически догматическое изучение хозяйственных явлений составляло предмет экономической науки и если бы за этими пределами сфера ее компетенции прекращалась.

Изложенным я не хочу сказать, что наука о государстве не должна затрагивать также и экономической стороны государственной жизни. Наряду с другими сторонами последней, она, конечно, должна касаться и этой стороны с тех точек зрения, которые приводит Р. Челлен. Но отсюда далеко не вытекает, что наука о государстве должна поглотить соответственные части экономической науки – она может лишь использовать их в качестве вспомогательной науки, беря из нее то, что для нее необходимо.²

Заключение. Подводя итог предыдущему изложению, мы должны признать следующее.

Р. Челлен несомненно прав в своей основной точке зрения, что политика или наука о государстве должна изучать не только правовую сторону государства, но и всю его организацию и деятельность, как они проявляются в конкретной действительности. Она должна сделать предметом своего изучения государство во всей его реальной совокупности. Но заслугой Челлена является и то обстоятельство, что он не только наметил предмет науки о государстве в этом новом аспекте, но и дал развитую систему этой науки с разделением ее на части, а кроме того, в своих работах о великих державах и о вызванном войной мировом кризисе сделал попытку фактического осуществления предложенного им понимания политики.

Несомненно, что Р. Челлен в этом отношении далеко вышел за пределы возможного и захватил много такого, чего наука о государстве удержать у себя едва ли сможет и что она, вероятно, должна будет уступить другим наукам. В частности многое из того, что он включил в геополитику, а отчасти и в другие отделы политики, придется, вероятно, отдать политической географии, которая должна будет занять место самостоятельной науки,

1. Der Staat als Lebensform. S. 137-138. Следует здесь заметить, что геополитика имеет некоторые точки соприкосновения и с геополитикой. „Государственная территория, в качестве некоторой природной единицы, – говорит Челлен, – должна быть такой, чтобы обеспечивать достаточную автаркию. В этом заключается реальное назначение географической индивидуальности в отношении внутренних ее свойств. Здесь же находится и непосредственный мост между геополитикой, которая изучает имеющиеся у государственных территорий общие предпосылки, и хозяйственной политикой, которая изучает фактическое развитие народного хозяйства автаркии и методы воздействия на него” (Der Staat als Lebensform. S. 69). О границах геополитики и экополитики см. также „Grundgriss zu einem System der Politik. S. 34-35; S. 53-55.

2. Артур Дикс, а еще раньше профессор Йенского университета Рёпке (Röpke) предложили создать под названием геоэкономики новую науку, которая бы относилась к экономической географии так же, как геополитика относится к политической географии. Это предложение, кажется, не встретило сторонников. См.: Arthur Dix. Geoökonomie. München und Berlin, 1925. S. 10-14, 20, 98.

стоящей между географией, с одной стороны, и политикой – с другой. Многие из того, что он относит к эконополитике, он должен будет вернуть экономической науке, а равно и экономической географии, которая должна будет занять такое же, как политическая география, самостоятельное место, причем это место будет между географией и экономической наукой.

Система Р. Челлена помимо того интереса, какой она представляет как попытка создать новую систему науки о государстве, весьма поучительна и в другом отношении. Она показывает, как трудно включить ту или другую отрасль знания, уже приобретшую известную самостоятельность, в ту или другую классификационную схему. Политическая география начала выделяться в более самостоятельную отрасль географии благодаря трудам Ратцеля. Затем она нашла выдающегося представителя в лице Р. Челлена, который сумел ее оживить под новым названием – геополитика. Но у Р. Челлена эта дисциплина выступила уже не в виде подразделения географии, как у Ратцеля, но в качестве составной части науки о государстве.

У преемников Р. Челлена геополитика получил несколько иное содержание, чем у самого Челлена. При этом у них по вопросу о предмете и задачах геополитики нет единогласия. Один из них, желая более точно отграничить геополитику от политической географии, видит в ней науку прикладную, противопоставляя ее политической географии как науке „чистой”. Другие, однако, продолжают считать геополитику, так же как и политическую географию, наукой „чистой” и поэтому вынуждены, как и сам Челлен, искать границы между ними в другой плоскости -- в пределах „чистой” науки, что представляет собой задачу уже гораздо более трудную.

Санкт-Петербург

Поступило в редакцию 26 сентября 1996 г